

0828

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мишель Смарт

ЕГО ЛЮБИМАЯ СКРИПАЧКА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мишель Смарт

Его любимая скрипачка

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Смарт М.

Его любимая скрипачка / М. Смарт — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08222-0

Принц Талос Каллиакис не привык к отказам. Он обязан сделать так, чтобы скрипачка Амалия Картрайт выступила перед его умирающим дедом. Талос шантажом заставляет Амалию подписать с ним контракт и увозит на свой остров, где помогает ей избавиться от страха перед сценой... и перед ним самим.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08222-0

© Смарт М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мишель Смут

Его любимая скрипачка

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Talos Claims His Virgin
© 2015 by Michelle Smart

«Его любимая скрипачка»
© «Центрполиграф», 2018
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Талос Каллиакис опустил голову и потер затылок, когда до него дошел смысл сказанного врачом.

Оглянувшись, он посмотрел на своих двух братьев и прочел скорбь на их лицах.

Астреус Каллиакис – король Агона, их дедушка, умирал.

Гелиос, старший из трех братьев и наследник престола, сложил руки на груди и глубоко вздохнул, прежде чем заговорить.

– Нам надо провести юбилейные торжества раньше.

Весь Агон собирался отпраздновать пятидесятилетие правления Астреуса. Мероприятия были запланированы на конец лета, до них оставалось шесть месяцев. Врач-онколог недвусмысленно сказал братьям, что король долго не продержится.

Талос откашлялся:

– Я предлагаю сосредоточиться на юбилейной гала-вечеринке, а остальные мероприятия отменить. Они лишние. Давайте сделаем гала-вечеринку истинным праздником для короля.

– Я согласен, – кивая, сказал Тесей – средний брат. – Мы должны провести ее в апреле, то есть через три месяца. Будет хлопотно, но мы справимся.

Следовало торопиться. Два месяца интенсивной химиотерапии на время уменьшили опухоли, пронизывающие органы короля. Но он уже не выздоровеет. Уже слишком поздно.

Через два месяца

Талос Каллиакис вошел в заднюю дверь театра, где размещался Национальный оркестр Парижа, и обратил внимание на выцветшие, шелушащиеся обои, потертый ковер и потолок с потеками воды. Неудивительно, что здание считалось отвратительным. Из всех оркестровых домов, которые он посещал за последние два месяца, этот объект был, безусловно, худшим.

Но он пришел сюда не из-за состояния этого здания. Он явился сюда по собственной прихоти после того, как его разочаровали скрипачи других крупных оркестров Франции и оставили в недоумении музыканты ведущих оркестров Греции, Италии, Испании и Англии.

Время шло.

То, что он прежде считал простой задачей, стало настоящим испытанием его выносливости.

Он искал скрипача, который очаровал бы его своей игрой так, как это делала его бабушка, пока она была жива. Выбранный скрипач получит право исполнить последнюю музыкальную пьесу, сочиненную бабушкой Талоса, в сопровождении собственного оркестра на юбилейной гала-вечеринке в честь короля.

К этому моменту около десяти парижских скрипачей желали продемонстрировать Талосу свое мастерство.

Он просто хотел, чтобы все поскорее закончилось.

Отчасти он хотел выбрать любого скрипача. Все, кого он прослушал до сих пор, были профессиональными, замечательными музыкантами, способными вызвать восхищение у любого слушателя. Но их игра не трогала его сердце. А он знал, что должен выбрать подходящего человека, чье исполнение заденет его за живое.

Для юбилейной гала-вечеринки требуется лучший скрипач. Меньшего его дед не заслуживает. И его покойная бабушка тоже заслуживает лучшего.

Скрипачи выстроились за кулисами; остальные музыканты сидели в зрительном зале. Он давно бы начал прослушивание, если бы дорожные работы не заставили его водителя объезжать здание театра с задней стороны.

Талос обдумывал дела, которые ему пришлось отложить за последние два месяца. Как квалифицированный юрист, он курировал все продажи, слияния и выкуп бизнес-империи, которой управлял вместе со своими двумя братьями. Однако он не всегда использовал свои юридические навыки, чтобы добиться того, чего он хотел.

Тесей – средний брат в семье Каллиакисов, решил инвестировать средства в интернет-проекты. Если прогнозы окажутся верными, то прибыль превысит инвестиции в четыре раза менее чем через два месяца. Но у Талоса были подозрения в отношении владельцев этих интернет-проектов.

Его мысли о недобросовестных программах прервались, когда он услышал слабый звук, идущий через дверь слева от него.

Он сделал паузу, подняв руку, и попросил тишины.

Напрягши слух, он повернулся лицом к двери.

Вот оно.

Единственное классическое произведение, которое он знал наизусть.

К его горлу подступил ком.

Желая услышать игру отчетливее, но не желая беспокоить скрипача, он осторожно повернул ручку и приоткрыл дверь.

И тут у него сдавило грудь – на него нахлынули горькие воспоминания.

Ему было всего семь лет, когда умерли его родители. Ночи, которые последовали за этим, до того, как его братья отправились в английскую школу-интернат, в которой он стал учиться всего через год, оставляли его безутешным.

Королева Рэя Каллиакис – обожаемая им бабушка, успокаивала его единственным способом, какой она знала. Она приходила к нему в комнату, садилась на край его кровати и играла «Медитацию» из оперы «Таис» Жюль Массне.

Он не вспоминал этот музыкальный отрывок более двадцати пяти лет.

Скрипач играл медленнее его бабушки, но эффект был тот же. Томительный, но успокаивающий, как бальзам на ране, который просачивается сквозь кожу, чтобы исцелить тело изнутри.

В игре скрипача было нечто особенное, неуловимое.

– Вот оно, – сказал Талос, обращаясь к дирижерам оркестра.

Переводчик перевел его фразу на французский язык.

Женщина с острыми чертами лица, сидящая слева от Талоса, посмотрела на него с таким выражением лица, будто она не поверила, что он говорит серьезно. Потом ее глаза сверкнули, и она в волнении распахнула дверь.

В углу комнаты, придерживая скрипку подбородком и держа в правой руке смычок, стояла высокая, гибкая девушка. Она походила на кролика, ослепленного светом фар несущегося на нее автомобиля.

Глаза.

Раньше она не видела подобных глаз.

Они походили на лазеры.

Амалия вздрогнула, думая о них.

Она снова вздрогнула, когда вышла из театра на грязную автостоянку. Крепко держа в руках скрипичный футляр, она натянула на уши красно-серую полосатую шапочку.

Рядом с ней остановился длинный черный автомобиль. Открылась задняя дверца – из машины вышел очень высокий человек.

Через секунду Амалия поняла, что этот гигант – Талос Каллиакис.

На нее снова уставились его внимательные, удивительные глаза. Она во второй раз испытала те же пугающие и головокружительные ощущения.

Когда дверь в репетиционный зал распахнулась и Амалия увидела, как все на нее смотрят, ей захотелось сбежать. Она не записывалась на прослушивание, но ей сказали прийти на тот случай, если понадобится весь оркестр.

Эти глаза...

Они так долго смотрели на нее, что ей показалось, будто она выпала из реальности.

Она была высокого роста, но Талос возвышался над ней и выглядел очень мощным и мускулистым.

У нее пересохло во рту.

У него были густые, не слишком короткие черные волосы, слегка взъерошенные спереди, с завитками у основания шеи. На его квадратном подбородке красовалась густая темная щетина.

Несмотря на дорогую одежду и обувь ручной работы, Талос выглядел как Тарзан, раскачивающийся на лианах в джунглях и стучащий кулаком себе в грудь.

Он выглядел опасным. Очень опасным. Шрам на правой брови, который делил ее надвое, только усиливал впечатление.

Он сделал к ней несколько шагов, протянул руку и, не улыбаясь, произнес на совершенном английском языке:

– Амалия Картрайт, я рад встрече с вами.

Откуда он знает, что она говорит на двух языках?

Судорожно сглотнув, Амалия взяла скрипичный футляр в левую руку и протянула Талосу правую. Он тут же обхватил ее пальцы сильной загорелой рукой. Амалия носила шерстяные перчатки, но все равно почувствовала жар его руки.

– Месье Каллиакис, – пробормотала она в ответ.

Отдернув руку, она обхватила его скрипичный футляр.

– «Мне требуется ваше внимание». Пожалуйста, садитесь в машину, – сказал он.

Мне требуется ваше внимание. Не будь она так взволнована присутствием Талоса и глубиной его хрипловатого и густого баса, который вполне соответствовал его внешности, она рассмеялась бы в ответ на его официальное обращение.

Вздрогнув, она вспомнила, что он принц. Королевская особа. Должна ли она сделать реверанс? Он исчез из репетиционного зала до того, как их официально представили друг другу.

Откашлявшись, она сделала небольшой шаг назад.

– Примите мои извинения, месье, но, по-моему, нам нечего с вами обсуждать.

– Уверяю вас, вы ошибаетесь. Садитесь в машину. Здесь слишком холодно, чтобы вести дискуссию.

Он говорил как человек, привыкший повелевать.

– Это связано с моей игрой? Я уже объяснила вашему помощнику, что я не смогу участвовать в гала-вечеринке, потому что приглашена на другое мероприятие. Приношу свои извинения, если это сообщение не дошло до вас.

Помощник Талоса – мужчина средних лет – не смог скрыть шока, когда она сказала, что не будет участвовать в гала-вечеринке. Дирижеры оркестра уставились на нее с мольбой.

– Ваше сообщение дошло до меня, поэтому я вернулся из аэропорта и приехал сюда, чтобы об судить этот вопрос с вами напрямую.

Его неудовольствие было очевидным, словно его планы рухнули по ее вине.

– Вам надо отказаться от участия в другом мероприятии. Я хочу, чтобы вы сыграли на гала-вечеринке для моего дедушки.

– Я бы тоже этого хотела, – солгала она. – Но от участия в запланированном мероприятии я отказаться не могу.

Он нахмурился, будто не привык к тому, что ему отказывают.

- Вы понимаете, кто мой дедушка и какая огромная возможность вам предоставляется?
- Да, он король Агона, и я понимаю, какую великую честь он мне окажет, выбрав меня...
- На вечеринке будет большинство мировых государственных деятелей...

– Но в оркестре много других скрипачей, – продолжала она, ведя себя так, словно он не прерывал ее. – Если вы прослушаете их, то подберете более талантливого исполнителя, чем я.

Конечно, она знала, каким грандиозным событием станет гала-вечеринка. Ее коллеги-музыканты говорили о ней уже несколько недель. Все европейские оркестры были предупреждены о том, что принц Талос Каллиакис ищет скрипача. Когда вчера подтвердили, что он приезжает на прослушивание скрипачей Национального оркестра Парижа, все женщины-скрипачки немедленно отправились в парижские салоны красоты – окрашивать волосы, делать эпиляцию и т. д.

Три принца Агона считались самыми завидными холостяками Европы. И самыми красивыми.

Амалия знала, что она не будет участвовать в прослушивании, поэтому она не прихорашивалась.

Если бы она знала, что Талос будет слушать ее игру, она бы старательно фальшивила.

Она не могла играть на юбилейной гала-вечеринке! Просто не могла. При одной мысли об этом ее бросало в холодный пот.

Налетел холодный ветер. Она поджала озябшие пальцы промокших ног. На заднем сиденье автомобиля Талоса было очень уютно и тепло.

– Простите, месье, но мне надо домой. У нас сегодня вечером концерт, и я должна вернуться сюда через несколько часов. Я желаю вам найти подходящего скрипача.

Его лицо едва заметно смягчилось, но его светло-карие глаза смотрели настороженно.

– Мы поговорим снова в понедельник. А пока я предлагаю вам задуматься над тем, от чего вы отказываетесь, не желая солировать.

– В понедельник у нас выходной. Я буду в театре во вторник, если вы хотите поговорить со мной. Хотя я сомневаюсь, что нам есть о чем говорить.

Он наклонил голову:

– Поживем – увидим. О, при нашей следующей встрече вы можете обращаться ко мне официально: ваше высочество.

На этот раз она не сдержала улыбку:

– Но, месье, мы во Франции. Даже когда у нас была королевская семья, к мужским наследникам престола обращались «месье», поэтому я правильно вас называю. И мне кажется, я должна напомнить вам, что случилось с теми, кто хвастался своей королевской кровью. Им отрубили головы.

Амалия заняла свое место на сцене – во втором ряду сзади. Ей нравилось быть скрытой от внимания.

Все ждали Себастьяна Кассела – приглашенного дирижера. От волнения у Амалии показывало кожу.

Посмотрев в зал, она увидела, что он заполнен только наполовину.

Как долго это будет продолжаться?

Париж – город культуры. Он веками поддерживал и прославлял свои оркестры. Но некоторые оркестры теперь выступали в убогих условиях – например, в Музыкальном театре, который когда-то был ярким и прославленным. Годы недофинансирования привели к тому, что этот театр стал приносить убытки.

Увидев мощную фигуру в правой ложе, Амалия моргнула и присмотрелась. Она поняла, отчего так нервничает.

Она вдруг подумала о принце Талосе. Этот человек излучал опасность, от которой ей хотелось убежать куда глаза глядят.

Скрипачка Джульетта, сидящая рядом с Амалией, ткнула ей в бок острым локтем.

На них смотрел Себастьян.

Амалия заставила себя смотреть перед собой и уселась удобнее, молясь, чтобы ее пальцы не потеряли ловкость.

Сидя среди восьмидесяти талантливых музыкантов, она обычно чувствовала себя невидимой – просто еще одной скрипачкой под светом софитов. Она активно избегала быть в центре внимания с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет.

Она не видела Талоса в ложе отчетливо. Она даже не знала наверняка, что там сидит именно он. Но она не могла избавиться от ощущения, что ее пристально рассматривают.

Талос наблюдал за тем, как проходит концерт. Оркестр играл профессионально и взволнованно. Но Талос пришел сюда не для того, чтобы слушать музыку.

Как только концерт закончится, он встретится с владельцем этого ветхого здания.

Первоначально он планировал улететь на самолете в Агон и навестить своего дедушку, потому что его двухмесячный поиск скрипача закончился. Но воинственность Амалии Картрайт заставила его остаться.

Глядя сейчас, как пальцы ее левой руки касаются струн скрипки, он не мог поверить в дерзость этой женщины. Ее красивое лицо с тонкими чертами и веснушки на переносице создавали иллюзию изящного, хрупкого существа. Она обладала непринужденностью и элегантностью, свойственной парижанкам.

Но внешний вид бывает обманчив.

Она отказалась солировать на гала-вечеринке для дедушки Талоса, и фактически она оскорбила семью Каллиакис. Упомянув казнь французской королевской семьи, она зашла слишком далеко.

Амалия Картрайт будет играть на гала-вечеринке.

Талос Каллиакис всегда получает то, что он хочет. Всегда.

Глава 2

Амалия накрыла голову подушкой и проигнорировала звонок в дверь. Она не ожидала гостей или курьера. Ее мать-француженка не пришла бы так рано без предупреждения, а отец-англичанин был на гастролях в Южной Америке. Поэтому Амалия решила не открывать дверь.

Но гость явно не собирался уходить.

Звонки в дверь сменились ударами кулаков.

Ругаясь по-английски и по-французски, она встала с постели, надела поверх пижамы толстый халат и, по-прежнему ругаясь, поспешила вниз по лестнице, чтобы открыть входную дверь.

– Доброе утро! – С этими словами Талос Каллиакис прошел мимо нее и вошел в ее дом.

– Вы не имеете права просто так входить ко мне, – сказала она, мчась за ним, пока он пробирался в ее дом с таким видом, будто владел им.

– Я же говорил, что сегодня я буду с вами разговаривать. – Его тон был безразличным, словно Талос наплевал на ее естественный шок и гнев.

– А я сказала вам, что сегодня у меня выходной. Я хочу, чтобы вы ушли.

Он прошагал на кухню.

– После того как мы поговорим.

В подтверждение собственных слов он поставил свой портфель на пол, снял длинный черный плащ, повесил его на спинку стула и присел за маленький кухонный стол.

– Что вы делаете? Я не приглашала вас. Если вы хотите поговорить со мной, вам придется подождать до завтра.

Он категорично махнул рукой:

– Я отниму у вас десять минут, а потом уйду. То, что нам надо обсудить, не займет много времени.

Амалия прикусила щеку изнутри и заставила себя успокоиться. Паническое мышление ей не поможет.

– Это мой дом, а вы в него вторглись. Уходите, или я вызову полицию.

Ему незачем знать, что ее мобильный телефон сейчас лежит на тумбочке в спальне.

– Вызывайте. – Он повел мощными плечами, и черная ткань его рубашки натянулась. – К тому времени, когда полиция придет, мы закончим наш разговор.

Она с опаской посмотрела на него, боясь моргнуть, и потеряла ладонями предплечья. Шагнул назад, она уперлась спиной в стену. Интересно, что ей удастся использовать в качестве оружия?

Талос был самым физически сильным человеком, которого она встречала. Шрам на брови только усиливал его угрожающий облик.

Она не сможет защититься собственными силами. Она будет похожа на мышью-полевку, сражающуюся с пантерой.

Его верхняя губа скривилась от отвращения.

– Не беспокойтесь о своей безопасности. Я не животное. Я здесь, чтобы говорить с вами, а не нападать на вас.

Разве пантера скажет мышью-полевке, что она собирается ее съесть? Конечно нет.

Но, взглянув в его поразительные глаза, она не увидела в них угрозы и немного успокоилась.

Этот мужчина не причинит ей вреда. Во всяком случае, физически.

Она опустила взгляд и потеряла глаза.

– Ладно. Десять минут. Но вам следовало мне заранее позвонить. И тогда вы не пришли бы ко мне, пока я сплю.

Только теперь до нее дошло: Талос был гладко выбритым и одетым, а она, со взъерошенными волосами, красовалась перед ним в старой хлопчатобумажной пижаме и халате. С этой точки зрения она была в невыгодном положении.

Он посмотрел на свои часы:

– Десять утра. По-моему, разумно приходить в гости в понедельник в такое время.

Ей стало неловко, когда она почувствовала, что краснеет. Вероятно, она просто разнервничалась оттого, что не выпалась.

Но дело в том, что каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела высокомерное, красивое лицо Талоса.

– Сегодня у меня выходной, месье. И только я решаю, как мне его провести. – У нее настолько пересохло во рту, что она, говоря, почти хрипела. – Мне надо выпить кофе.

– Я пью черный кофе.

Она не ответила, а просто подошла к кофеварке и включила ее.

– Вы уже подумали о своем выступлении? – спросил он, беря две кружки.

– Я уже сказала вам, что мне не о чем думать. В эти выходные я занята. – Она положила ложку сахара в одну из кружек.

– Я подозревал, что вы так ответите.

Он говорил как учитель, разочарованный результатами экзаменов своего ученика. Что-то в его тоне заставило ее насторожиться.

Аромат свежего кофе наполнил воздух.

– Я буду взывать к вашим лучшим качествам, – сказал Талос, глядя на Амалию, которая пристально смотрела на готовящийся кофе.

Она опустила голову:

– Да?

– Моя бабушка была композитором и музыкантом. – Недолгая пауза. – Рэя Каллиакис. Вы слышали о ней?

– Я сомневаюсь, что есть скрипач, который ее не знает. Она сочиняла самые красивые пьесы.

Ему вдруг стало совестно, когда он понял, что эта женщина ценит талант его бабушки. Амалия не могла этого знать, но ее простая оценка сильнее убедила его, что она идеально подходит для выступления на гала-вечеринке.

– Она дописала музыкальную пьесу за два дня до своей смерти.

Амалия отвернулась от кофеварки и посмотрела ему в глаза.

Он заметил, что у Амалии Картрайт самые красивые миндалевидные глаза. Их цвет напомнил ему о кольце с зеленым сапфиром, которое носила его мать.

Теперь это кольцо вот уже двадцать шесть лет лежит в сейфе дворца Агона, ожидая того дня, когда Гелиос выберет себе подходящую невесту. После диагноза, поставленного их бабушке, Гелиосу придется поторопиться с женитьбой и рождением наследника.

В последний раз, когда Талос видел это кольцо, его мать отбивалась от своего мужа. Через два часа супружеская пара была мертва.

Он отмахнулся от мысли о той жуткой ночи и вернулся в настоящее – к Амалии Картрайт, которая принесет утешение умирающему королю.

– Это та пьеса, которую надо сыграть на гала-вечеринке для вашего дедушки? – спросила она.

– Да. За пять лет с момента ее смерти мы никому не позволяли играть эту пьесу. Мы с братьями считаем, что сейчас самое подходящее время для этого. Я уверен, играть пьесу должны вы.

Он сознательно не упоминал диагноз своего дедушки. До сих пор в прессе не было никаких известий о состоянии его здоровья.

Амалия разлила свежий кофе в кружки, добавила себе молоко, а затем принесла кружки к столу и села напротив Талоса.

– По-моему, вы делаете благородное дело, – размеренно произнесла она. – Нет такого скрипача, который не был бы достоин чести сделать это. Но мне жаль, месье, я не смогу исполнить эту пьесу.

– Почему нет?

– Я уже говорила, что участвую в другом концерте.

Он пристально посмотрел на нее:

– Я удвою ваш гонорар. Двадцать тысяч евро.

– Нет.

– Пятьдесят тысяч. И это мое последнее предложение.

– Нет.

Талос знал, что его взгляд может быть пугающим. Он много раз отрабатывал этот взгляд перед зеркалом. Одного такого взгляда было достаточно, чтобы ему уступали. Единственными людьми, невосприимчивыми к его взгляду, были братья, бабушка и дедушка. На самом деле всякий раз, когда бабушка видела, как Талос «корчит физиономию», она дергала его за ухо.

Он скучал по ней каждый день.

Итак, он не встречал кого-либо невосприимчивого к своему взгляду. До сих пор.

Амалия тряхнула головой, и длинные, спутанные волосы упали ей на глаза. Она отвела волосы от лица.

Талос вздохнул, с сожалением покачал головой и потер рукой подбородок, делая вид, что сильно разочарован.

Амалия отпила горячий кофе, желая скрыться от пронзительного взгляда Талоса.

Всю свою жизнь ей приходилось общаться с властными людьми, и это научило ее сдерживать эмоции. Если противник, а в этот момент Талос был ее противником, обнаружит ее слабость, она проиграет.

Но рядом с Талосом ей было очень трудно оставаться сильной.

Он потянулся к своему портфелю и положил его на стол.

– Я попробовал воззвать к вашим лучшим качествам. Я попробовал воззвать к вашей жадности. Я дал вам немало шансов договориться со мной. – Он достал документы. – Это касается Музыкального театра. Согласно этим документам, я его новый владелец.

Амалия только покачала головой.

– Вы хотите прочесть документы? – спросил он.

Она продолжала качать головой, пялясь на документы в его руке и на его неулыбчивое лицо.

– Как такое возможно? – прошептала она, пытаясь понять, что это будет означать для нее и для оркестра.

– Я решил купить театр в субботу вечером. Покупка была завершена час назад.

– Но как такое возможно? – повторила она. – Это Франция. Здесь процветает бюрократия.

– Деньги и власть решают все.

Он положил документы в портфель и наклонился вперед, их лица разделяли всего несколько дюймов. Если он наклонится к ней ближе, она почувствует его дыхание.

– Я принц. У меня есть деньги, много денег. И власть. Много власти. Я советую вам это запомнить.

Затем он откинулся на спинку стула и стал пить кофе, буравя Амалию взглядом.

Она сжала пальцами свою кружку, внезапно испугавшись, что потеряет над собой контроль.

– Теперь я владелец театра. Я пока не знаю, что буду делать со зданием и оркестром. Видите ли, предыдущий владелец так удивился сумме, которую я ему предложил, что не ставил никаких условий для продажи... – Он допил кофе и поставил кружку. – Сыграйте на гала-вечеринке, и я вложу в театр столько денег, что в него будут ходить толпы людей, а ваш оркестр станет лучшим в Париже. Если вы мне откажете, я превращу театр в отель.

– Это шантаж! – отрезала она. – Вы в самом деле меня шантажируете!

Он равнодушно пожал плечами и отодвинул стул:

– Называйте это как хотите.

– Я называю это шантажом. А шантаж незаконен.

– Сообщите об этом полиции. – Он сверкнул белыми зубами. – Но прежде чем вы позвоните туда, я должен предупредить вас, что у меня дипломатический иммунитет.

– Какая низость!

– Я могу зайти гораздо дальше. Понимаете, певчая птичка, я могу сделать так, что вы больше никогда не будете играть на скрипке. Я могу очернить ваше имя и имена тех, с кем вы играете, и вас не примут даже в провинциальный любительский оркестр.

От ярости в ее жилах забурилась кровь.

– Убирайтесь из моего дома!

– Не волнуйтесь, певчая птичка. Я уже ухожу. – Он посмотрел на свои часы. – Я вернусь через шесть часов. И тогда вы дадите мне свой окончательный ответ.

Он угрожал разрушить ее карьеру и карьеру ее друзей и коллег. Неужели он думает, что она ему уступит?

Амалия вскочила на ноги. Переполняясь страхом и гневом, она схватила Талоса за руку, словно сила ее воли могла выгнать его из дома.

– Я сказала, убирайтесь из моего дома! – закричала она, потянув его за руку, не обращая внимания на то, что он не сдвинулся с места. – Мне наплевать на ваш статус и вашу идиотскую дипломатическую неприкосновенность!

Талос стремительно схватил ее запястья огромной рукой.

– А вы горячая штучка, – пробормотал он.

– Отпустите меня сейчас же, – паникуя, потребовала она.

Он усадил ее себе на колени, крепко держа за запястья.

Она ударила его босой ногой в голень и почувствовала боль в ступне. Талос и глазом не моргнул, а только обхватил ее свободной рукой за талию.

– Я чувствую, вы причинили боль себе, а не мне, – сказал он, глядя на ее руки. – Какие изящные пальцы. А теперь вы будете хорошей девочкой, и тогда я вас отпущу.

– Если вы еще раз назовете меня хорошей девочкой...

– Что вы сделаете? Ударите меня снова?

Амалия дернулась, но это был бесполезный жест. Она оказалась в стальной ловушке.

– Вы меня пугаете, – сказала она.

– Я знаю, и я прошу за это прощения. Я отпущу вас, если вы обуздаете эмоции и не наброситесь на меня снова.

Как ни странно, его глубокий голос возымел желаемый эффект. Поджав губы, она сделала глубокий вдох и почувствовала запах его тела. Сглотнув, она внезапно ощутила его горячее дыхание на своих волосах. Ее нервы были на пределе.

Она не могла перевести дыхание. Ее сердце билось так сильно, что она слышала, как его биение отзывается эхом у нее в ушах. Стояла тишина. Амалия чувствовала, как мускулистый Талос замер.

Она больше не слышала и не ощущала его дыхание.

Она слышала только пульсацию крови у себя в ушах.

Наконец он отпустил ее руки и позволил ей встать на ноги.

На дрожащих ногах Амалия отскочила в противоположный конец кухни. Там она прерывисто вздохнула, от напряжения у нее болела грудь.

Талос спокойно надел плащ, обмотал темно-синий шарф вокруг шеи и закрыл портфель.

– В шесть часов, дорогая. Я уважаю ваше решение, но знаю, что, если ваш ответ останется отрицательным, последствия будут реальными и быстрыми.

* * *

У Амалии зазвонил телефон.

– Мама?

– Милая, я кое-что узнала. Я не дозвонилась до Пьера.

Мать Амалии была подавлена. Словно Пьер Гаскин был обязан постоянно держать в руках свой телефон на случай, если Колетт Бартез – самая известная классическая певица в мире – соизволит ему позвонить.

– Но я поговорила с его очаровательным помощником, который сказал мне, что сегодня утром он приехал поздно в офис, выдал каждому работнику по пятьсот евро и сказал, будто уходит в отпуск на ближайшие три месяца. А потом он уехал в аэропорт.

– Похоже, он все-таки его продал, – пробормотала Амалия.

Еще две недели назад Пьер Гаскин – бывший владелец Музыкального театра, из всех сил старался найти деньги на оплату счетов за отопление.

– Похоже на то, милая. Скажи мне, зачем принц Талос купил театр? Я не знала, что он меценат.

– Понятия не имею, – ответила она, ее кожу начало покалывать при упоминании его имени. Она нахмурилась, потому что ей не нравилось врать.

Она не рассказала своей матери ничего из того, что случилось в прошедший уик-энд, потому что у нее не было сил справиться со своей реакцией на Талоса.

– Я знала его отца, принца Летантоса... – Голос матери стал мечтательным. – Я пела для него однажды. Он был таким... мужественным!

– Мама, мне надо уходить.

– Конечно, дорогая. Если ты снова встретишься с принцем Талосом, передавай ему от меня привет.

– Передам.

Положив телефон на стол, Амалия провела руками по лицу.

Ей оставалось только одно – сказать Талосу Каллиакису правду.

Глава 3

Когда Талос нажал на кнопку звонка входной двери Амалии, он знал, что она будет его ждать. Она распахнула дверь до того, как он опустил руку.

Она уставилась на него бесстрастно, словно между ними ничего не происходило. Словно она не теряла самообладание в его присутствии.

Он последовал за ней на кухню.

На столе стояли поднос с пирожными и две тарелки. Амалия только что сварила кофе. Она была в черных джинсах, обтягивающих ее стройные ноги, и серебристом топе. Ее прямые темные волосы были зачесаны назад и уложены в свободный пучок на затылке. Она была без макияжа, и веснушки на ее носу казались ярче.

Было ясно, что она что-то задумала. Время поджимало.

Талос снова вспомнил, что планировал вернуться домой после прослушивания в субботу и провести остаток уик-энда с дедом. Вместо этого ему пришлось покупать это ужасное парижское здание. И для чего? Чтобы уговорить профессиональную скрипачку выступить перед королем.

Талос сел на стул. Он был уверен, что Амалия согласится с его предложением. К сожалению, ему пришлось прибегнуть к шантажу, чтобы добиться своего, но он был вынужден торопиться.

Рука Амалии задела его руку, когда она поставила перед ним кружку. Он уставился на ее пальцы – длинные, изящные. Ногти на ее левой руке были короткими и квадратными, а ногти на правой руке были намного длиннее и острее. Он вспоминал ее ногти весь день.

Он также ломал голову над реакцией, которую испытал, когда прижал Амалию и усадил ее себе на колени.

Талос наслаждался обществом красивых женщин. И красивые женщины любили его. Узнавая, кто он, они смотрели на него откровеннее и соблазнительнее.

Он еще не встречал женщину, которая испытывала бы к нему такую неприязнь. Он еще не встречал человека за пределами своей семьи, который в чем-то ему отказывал.

Амалия Картрайт обладала уникальной красотой. Ее дерзость одновременно злила и интриговала Талоса.

Ему захотелось узнать ее поближе.

Он почувствовал, как она переменялась, когда он схватил ее за руки. Как она затаила дыхание. Он тоже затаил дыхание. Сначала он смотрел на ее пальцы, а через секунду возбудился так, что просто опешил.

Он никогда не испытывал подобных ощущений.

И сейчас, наблюдая, как Амалия усаживается за стол, он снова почувствовал уже знакомое волнение.

– Месье, – сказала она, как только устроилась за столом и уставилась на него зелеными глазами, – недавно вы зывали к моим лучшим качествам...

– Но вы мне отказали, – вставил он.

Она кивнула в знак согласия:

– У меня были причины, которыми я собираюсь поделиться с вами, в надежде воззвать к вашим лучшим качествам.

Он настороженно оглядел ее, но промолчал.

– Мне очень жаль, но я соврала вам. Я не буду участвовать в другом концерте. – Она пожевала нижнюю губу. – У меня страх перед сценой.

Ее заявление было настолько смехотворным, что Талос покачал головой и рассмеялся.

– У вас? – спросил он, не потрудившись скрыть недоверчивость. – У дочери Колетт Бартез и Джулиана Картрайт страх перед сценой?

– Вы знаете, кто я?

– Отлично знаю. – Он скрестил руки на груди и посерьезнел. – Я должен был о вас разузнать.

Он заметил, как ее зеленые глаза дерзко сверкнули – первый признак того, что ее спокойствие обычная бравада.

– Ваша мать-француженка – самое успешное меццо-сопрано в мире. Я признаю, я не слышал игру вашего отца, но я понимаю, что он известный английский скрипач. Я также узнал, что ваш отец когда-то играл в Карнеги-Холл с моей бабушкой.

Он наклонился вперед и положил подбородок на руки.

– В детстве вас считали вундеркиндом, но, когда вам исполнилось двенадцать лет, ваши родители убрали вас подальше от публики, чтобы вы сосредоточились на своем образовании. В двадцать лет вы стали профессиональным музыкантом и вступили в ряды Национального оркестра Парижа в качестве второй скрипки. Эту позицию вы удерживаете уже пять лет.

Она пожала плечами, выражение ее лица было сдержанным.

– То, что вы описали, знает любой человек, имеющий доступ к Интернету. Мои родители не прятали меня от публики из-за моего образования. Просто моя мать не могла сказать правду журналистам. Она не вынесла бы позора, что ее дочь не может выступать на публике.

– Если вы не можете выступать на публике, как вы объясните тот факт, что вы выступаете с оркестром по крайней мере один раз в неделю?

– Я вторая скрипка. Я сижу в задней части оркестра. У нас в среднем восемьдесят музыкантов. Зрители смотрят не на меня, а на весь оркестр. Если я буду у всех на виду на гала-вечеринке у вашего деда, я не смогу играть. Это унижит меня, мою мать и вашего дедушку. Вы этого хотите?

Отец Амалии – единственный человек, который не будет за нее стыдиться. На самом деле именно ее отец пошел против воли своей жены и спрятал Амалию от публичности.

Талос прищурился, проницательно глядя на нее:

– Почему я должен верить, что вы мне не лжете?

– Я...

– По вашему собственному признанию, вы солгали о том, что участвуете в другом концерте.

– Это была ложь во спасение.

– Лжи во спасение не бывает. Если вы не можете играть перед людьми, как вам удалось вступить в оркестр?

– Это было слепое прослушивание. Каждый музыкант играл за ширмой.

Он медленно покачал головой, взгляд его светло-карих глаз стал нечитаемым.

– Я никак не пойму, то ли вы говорите правду, то ли снова лжете.

– Я говорю правду. Найдите другую скрипачку.

– Нет. Нервозность и страх можно преодолеть. Но я не смогу найти скрипача, который достойно исполнит последнюю пьесу моей бабушки.

Нельзя забывать, что время почти истекло. Он может провести остаток жизни в поисках подходящего скрипача и не найти его. А вот игра Амалии сразу задела его за живое.

– Что вы знаете о моем острове? – спросил он.

Она немного смутилась от резкой смены темы:

– Немного. Это недалеко от Крита, да?

– Крит наш ближайший сосед. Как критяне, мы произошли от минойцев. Веками Агон атаковали римляне, османы и венецианцы. Мы отбивались от всех них. Только венецианцы на короткий период сумели нас покорить. Мой народ под руководством воина Ареса Патакиса,

чьим прямым потомком я являюсь, восстал против оккупантов и прогнал их с нашей земли. С тех пор никто не приходил на нашу землю с войной. Агониты никогда не будут угнетены или поработаны. Мы будем бороться за нашу свободу до последнего вздоха.

Он сделал паузу, чтобы отпить кофе.

– Вам, наверное, интересно, почему я говорю все это, – сказал он.

– Я пытаюсь вас понять, – задумчиво призналась она.

– Вы должны понимать, что моя семья и наш народ бойцы по природе. Страх перед сценой? Нервы? Это можно победить. И вы победите с моей помощью.

Амалия легко представляла себе Талоса Каллиакиса в бою, в латах и с копьем в руке. Но ее страх сцены не имеет ничего общего с войной.

– Я договорился с вашими дирижерами, – сказал он. – Вы поедете на Агон через несколько дней и останетесь там до гала-вечеринки. Ваш оркестр начнет репетировать немедленно и вылетит за неделю до Гала, поэтому вы сможете репетировать с ними.

Ей расхотелось быть любезной.

– Я не понимаю, зачем вы это сделали.

– У вас будет месяц на Агоне, чтобы акклиматизироваться.

– Мне не нужна акклиматизация. Агон не центр пустыни.

– У вас будет месяц, чтобы подготовиться к выступлению, – продолжал он, игнорируя ее, хотя его глаза снова угрожающе сверкнули. – Вас никто не станет отвлекать.

– Но...

– Вы преодолеете страх перед сценой, – произнес он с уверенностью человека, который никогда не проигрывал. – Я лично за этим прослежу. – Пауза. – Итак?

Она подняла глаза и встретила его пронизывающий взгляд.

– Вы будете играть на гала-вечеринке? – категорично спросил он. – Или мне уволить сто музыкантов? Должен ли я уничтожить их карьеру, как и вашу? Не сомневайтесь, я сделаю это. Я уничтожу вас всех.

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться.

Она верила ему. Он может разрушить ее карьеру. Она понятия не имела, как именно он будет это делать, но он это сделает.

Но как она может согласиться на выступление? В последний раз, когда она солировала, вокруг нее были ее родители, их друзья-музыканты, актеры, писатели и певцы. Она унизила себя и свою мать перед всеми ними. Разве ей удастся стоять на сцене перед главами государств и не волноваться?

После того ужасного инцидента Амалия попыталась солировать всего один раз и попала в больницу. Ее отец пришел в ярость и обвинил свою жену в эгоизме и использовании их единственного ребенка в качестве игрушки.

К горлу Амалии подступил ком, когда она вспоминала, что через несколько недель после того случая ее родители развелись и отец получил над ней первичную опеку.

Однако ей повезло. Да, ей стало действительно трудно, но она знала, что может рассчитывать на обоих родителей. Она никогда не голодала. У нее была крыша над головой. Ее коллеги не были такими удачливыми. Не у многих из них были богатые родители.

Она подумала о ласковой Джульетте, которая была на седьмом месяце беременности, ожидая третьего ребенка. О Луи, который только на прошлой неделе сумел оплатить поездку своей семьи в отпуск в Австралию. О ворчуне Жиле, который стонал каждый месяц, когда с его счета снимали ипотечный платеж.

Все эти музыканты, все эти служащие...

Они еще не знают, что могут остаться без работы.

Она со всей ненавистью уставилась на Талоса.

– Да, я поеду. Но с последствиями придется мириться вам.

Амалия посмотрела в иллюминатор на Агон. Когда самолет пошел на снижение, она заметила пляжи с золотистым песком и высокие горы, поросшие зеленью, и белые здания.

Крепко держа в руках скрипку, она последовала за пассажирами бизнес-класса к металлическому трапу. После слякотной мартовской погоды в Париже тепло Агона привело ее в восторг.

Амалия бывала более чем в тридцати странах, но ни разу не бывала в таком гостеприимном аэропорту, как на Агоне. Совсем скоро она вышла из аэропорта и уселась в поданный ей автомобиль.

Черты раннего греческого наследия Агона были повсюду, начиная от архитектуры и заканчивая дорожными знаками на греческом языке. Но теперь Агон суверенный остров. Повсюду царила чистота, дороги и здания были ухоженными. Когда они проезжали мимо гавани, она вытянула шею, чтобы внимательнее рассмотреть белые яхты; некоторые из них были огромными, как круизные лайнеры.

Вскоре они оказались далеко от города и стали подниматься по извилистой дороге в горы. Амалия открыла рот от удивления, когда впервые увидела дворец, гордо стоящий на холме. Он походил на священный греческий памятник. Огромный и просторный, он обладал ближневосточными чертами, словно был построен для султана несколько веков назад.

Но она ехала не во дворец. Шофер притормозил и въехал через кованые железные ворота, а потом медленно направился к вилле, выглядящей как отель. Объехав виллу, шофер остановил машину у коттеджа.

Пожилой мужчина с копной седых волос вышел из парадной двери, чтобы поприветствовать Амалию.

– Добрый вечер, мадам! – тепло сказал он. – Я Костас.

Объясняя, что он управляет главной виллой его высочества принца Талоса, он показал ей коттедж, который станет ее домом на ближайший месяц. Небольшая кухня была хорошо укомплектована, на нее ежедневно доставляли свежие фрукты, хлеб и молочные продукты. Если Амалии захочется что-нибудь поесть, она может заказать еду по телефону с главной виллы.

– На вилле есть тренажерный зал, бассейн и спа-салон, которым вы можете пользоваться когда хотите, – произнес Костас, прежде чем уйти. – Вы можете воспользоваться любым автомобилем из гаража. Если понадобится, мы предоставим вам водителя.

Значит, Талос не собирается держать ее в плену в коттедже? Что ж, приятно это слышать.

Она думала, что он заберет ее из аэропорта, запрет в холодном подземелье и откажется выпускать из него, пока она не научится в совершенстве исполнять пьесу его бабушки.

При мысли об этом по спине Амалии пробежала дрожь.

Ей стало любопытно, какого психоаналитика для нее найдет Талос. Врачу придется приложить немало сил, чтобы ей помочь. У нее ровно четыре недели и два дня до выступления перед королем Агона на юбилейной гала-вечеринке. За тридцать дней она должна выучить новое произведение, оркестр должен будет ей аккомпанировать. И ей придется преодолеть нервозность, которая парализовала ее более половины ее жизни.

Глава 4

Наступило утро, бодрящее и яркое. Быстро приняв душ, Амалия надела свои любимые черные джинсы и рубашку сливового оттенка, а затем приготовила себе легкий завтрак, который решила съесть на частной веранде. Поедая йогурт с медом и потягивая крепкий кофе, она расслабилась, сидя в плетеном кресле. После парижской суеты она чувствовала себя просто замечательно.

Если она притворится, то сможет забыть, почему оказалась на этом острове, и будет думать, что у нее отпуск...

Ее спокойствие длилось недолго.

Вернувшись в дом, она налила себе еще кофе, а потом вышла на веранду. В освободившемся кресле восседал Талос и нарезал дыню.

– Доброе утро, певчая птичка, – сказал он и сверкнул белыми зубами.

Сегодня он был одет небрежно: мешковатые хлопчатобумажные брюки цвета хаки, черные ботинки и серый свитер с V-образным вырезом и длинными рукавами. Он был небритым, а его волосы выглядели так, словно он просто пригладил их руками. Поставив кружку на стол, она уловила свежий аромат его геля после душа.

– Это для меня? – спросил он, кивая на кружку.

Она пожала плечами, решив вести себя беспечно:

– Если вы не против обмена микробами.

– Я уверен, у такой красивой женщины, как вы, микробов не бывает.

Она недоверчиво подняла бровь и вздрогнула, услышав его глубокий бас. Потом она вернулась в дом, радуясь предлогу, чтобы на мгновение уйти от Талоса и успокоиться. Включив кофеварку, она поняла, как часто бьется ее сердце.

Он испугал ее своим присутствием, вот и все. Накануне вечером она получила электронное письмо от его личного секретаря, в котором говорилось, что тот принесет ей партитуру в середине утра. Но он не упомянул, что ее навестит принц Талос. На самом деле она надеялась, что он останется во дворце и они больше не увидятся.

Выйдя на веранду, она увидела, что Талос держит в руке кружку и с отвращением морщится.

– Что это? – спросил он.

– Кофе мокко.

– Какая гадость!

– Значит, не пейте его.

– И не буду. – Он поставил кружку на стол и оттолкнул ее от себя, а потом кивнул на вторую кружку. – А там что?

– Кофе мокко. Если вы хотите другой кофе, то кухонная кофеварка в распоряжении.

В контракте, который она подписала с Талосом, не говорилось, что она будет готовить ему кофе.

Отвратительный контракт!

Она отмахнулась от этой мысли до того, как пришла в ярость. Если она будет кипятиться из-за его несправедливости, то не сможет острить и дерзить Талосу.

Когда она села за стол, непроизвольно отодвинувшись подальше от Талоса, он потянулся за яблоком. Вынув из кармана брюк металлический предмет, он нажал на боковую кнопку, и предмет превратился в нож с лезвием длиной по меньшей мере пять дюймов.

Талос заметил, как Амалия вздрогнула.

– Вас беспокоит мой нож? – спросил он.

– Нет. Вы получили эту вещь, когда были бойскаутом? – спросила она с большим пренебрежением, чем следовало.

– Вещица? – Он развернул кресло, прищурился и бросил нож перед собой. Нож рассек воздух и вонзился в вишневое дерево, растущее в десяти футах от них. Он не потрудился скрыть свое удовлетворение. – Эту вещь мне подарил мой дед по случаю моего окончания Сандхерста.

– Я под впечатлением, – отрезала она. – Я всегда думала, что в Сандхерсте учатся исключительно джентльмены.

Ей стало интересно, достаточно ли нахально она ему ответила.

– Вы пришли ко мне только за тем, чтобы резать беззащитные деревья? – спросила она.

Он поднялся на ноги.

– Я принес партитуру.

Он подошел к вишневому дереву и вытащил из него нож. Возвращаясь к столу, он знал, что Амалия настороженно отслеживает каждое его движение. Он принялся чистить яблоко.

Талос не понимал, зачем запустил в дерево острый нож. Вероятно, он хотел покрасоваться перед Амалией.

Он ни разу не был в компании человека, который считал бы его присутствие таким нежелательным. Люди жаждали общения с ним. Никто не относился к нему равнодушно.

Но Амалия вела себя так, словно ей не было до него дела.

– Это она? – спросила Амалия, открывая папку с партитурой.

– Вы выглядите так, будто боитесь прикоснуться к ней.

– Я никогда не держала в руках ничего сочиненного королевой.

Он с любопытством изучал ее:

– Вы почтительно смотрите на партитуру, но не проявляете ко мне, принцу этой страны, никакого уважения.

– Уважение надо заслужить, месье, – сказала она. – А вы не сделали ничего, чтобы его заслужить.

Почему она не боится его?

– На этом острове наши подданные с рождения уважают королевскую семью, – произнес он.

– Вы зарабатываете их уважение грубой силой? Или вы предпочитаете обычный шантаж?

– Пятьсот лет назад высокомерное отношение к члену королевской семьи Агона считалось изменой.

– Если бы этот закон был по-прежнему в силе, я уверена, число ваших подданных равнялось бы нулю.

– Этот закон был принят в сенате в благодарность моей семье за сохранение этого острова в безопасности. Но именно мои предки отменили его.

– Держу пари, ваши подданные праздновали отмену закона всю ночь.

– Не стоит недооценивать людей этого острова, дорогуша, – сказал он, начиная сердиться на ее легкомысленное отношение. – На Агоне нет диктатуры. Члены семьи Каллиакис остаются руководителями острова с согласия нашего народа. Наши люди будут отмечать юбилейную гала-вечеринку моего деда с таким же энтузиазмом, как если бы это была вечеринка их собственных дедов.

На ее бледных щеках выступил румянец, она сглотнула:

– Я не хотела оскорбить вашу семью, месье.

Он наклонил голову, принимая ее извинения:

– Но вы ее оскорбили.

– Разве? – Ее зеленые глаза сверкнули. – Я хотела оскорбить лично вас.

– Если бы дворцовое подземелье не превратили в туристический аттракцион, я бы бросил вас туда.

– И поэтому я рада, что оскорбила вас. Вы шантажом заставили меня приехать сюда, вы угрожаете моей карьере и карьере моих друзей, и вы заставили меня подписать контракт, согласно которому меня ждут штрафные санкции, если я не сыграю на вечеринке для вашего деда. Вы обещали немедленно распустить Национальный оркестр Парижа. Поэтому я буду с удовольствием пользоваться любой возможностью, чтобы оскорбить вас.

Он вытянул перед собой длинные ноги и провел пальцами по волосам:

– Вот мне интересно, почему женщина, которая боится выступать на публике, не боится проявлять ко мне неуважение. Я вас совсем не пугаю?

Через секунду она ответила:

– Ну, вы умеете запугивать.

– Это не ответ.

– Единственное, что меня пугает, это мысль о том, как я буду стоять на сцене во время гала-вечеринки, – солгала Амалия. Но она скорее будет стоять на сцене голой, чем признается, что боится Талоса.

– Тогда я предлагаю вам начать разучивание пьесы. – Он поднялся на ноги, выражение его лица стало непроницаемым. – Я зайду за вами в семь вечера, и вы поделитесь со мной своими впечатлениями о ней.

– А для чего вы за мной зайдете?

– Сегодня у вас первый сеанс преодоления страха перед сценой.

– Верно.

Она прикусила губу. Как ни странно, она догадывалась, что Талос привезет к ней армию психотерапевтов. Именно этим занималась ее мать, когда Амалия приезжала к ней после развода родителей. Колетт Бартез не желала, чтобы ее дочь фотографировали во время ее визитов к психоаналитику в клинику.

– Наденьте что-нибудь спортивное.

– Спортивное? – безучастно спросила она.

– Я отведу вас в свой спортклуб.

Она потерла рукой бровь.

– Я не понимаю. Зачем встречаться с психоаналитиком в спортклубе.

– Я не говорил о психоаналитике.

– Говорили.

– Нет, певчая птичка. Я сказал, что помогу вам преодолеть страх перед сценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.